

**НЕЛАБИАЛЬНЫЙ АНЛАУТ
БУЛГАРИЗМОВ СЛАВЯНСКИХ И НАРОДОВ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА
ЯЗЫКОВ В ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ
И ПРЕАЛЬНОМ АСПЕКТАХ**

В статье впервые производится сравнительный историко-этимологический анализ болгаризмов славянских и народов Северо-Восточного Кавказа языков в ареальном контексте их взаимоотношений. Полученные результаты позволяют полагать, что наибольшую близость к славянским болгаризмам рассматриваемого типа обнаруживают в качестве базовых соответствующие формы кумыкского языка и савиро-хазарского языкового союза, которые поддерживаются болгаризмами вайнахских и дагестанских языков.

G. Guseinov

**NONLABILE ANLAUT OF BULGARISMS OF THE SLAVIC
LANGUAGES AND NATIONAL NORTH-EASTERN CAUCASIAN
LANGUAGES IN THE HISTORICAL-ETYMOLOGICAL
AND AREAL ASPECTS**

This article provides the first ever made attempt of comparative historical-etymological analysis of bulgarisms of the Slavic languages and national North-Eastern Caucasian languages in context of their areal correspondence. The research findings provide the basis for the conclusion that the corresponding forms of Kumyk language and Saviro-Khazar language union contain the closest common characteristics with the Slavic bulgarisms of a studied type and are supported by the bulgarisms of Vainakh and Dagestan languages

В пратюркском анлауте традиционно восстанавливаемый *j- интерпретируется в настоящее время как позднейшая инновация пратюркского *d'z-, сохранившегося в алтайском языке. Последний рассматривается в качестве фонологического варианта старой (слабой) аффрикаты, или

шумного *ć-. Оба звука (*ć- и *d'z-), представляющие собой аффицированные смычные типа современных русских «ть» и «дь» (ср. точку зрения Г. И. Рамстедта, считавшего, что в тюркском языке древнейшей поры этот звук, подобно d', произносился с фрикативным оттенком), в не-

маркированной позиции чувашского (как непосредственного наследника болгарского) языка совпали в \acute{s} -¹.

По мнению Г. Дёрфера, пратюрк. *d-> *d'ž -, булг. d'ž -> č > ś- (чув.?), но в то же время, как считают другие тюркологи (Ф. С. Хахимзянов) начальный общетюркский j- (в традиционной реконструкции) реализуется в дунайско-болгарском (VII—IX вв.) через d- и dž—č-, в кубанско-болгарском (V—X вв. — Приазовье) и в приэльбрусских рунических надписях — через d"~ dž-, в волжско-болгарском (VIII—XII вв.) — dž-. Одни специалисты (И. Г. Добродомов) считают d-анлаут дунайских болгаризмов недостоверным, другие (А. В. Дыбо) восстанавливают в венгерских и волжско-болгарских болгаризмах вторичный аффрикатный анлаут на d'ž-, поддерживаемый восточно-славянским материалом. При этом рефлекс, возводящийся к чув. ś-, относятся ими к усвоениям из дунайско-болгарского č-, для которого допускается переход (аффрикатизация?) раннеболгарского d'->č-².

В конечном счете, обобщая вышеизложенное и не претендуя на исчерпывающее разрешение соответствующего вопроса, можно предполагать, что ран.-, куб.-булг.(!) d'-(/*d'z-?) > дун.-булг.(c!-?) č-(~ d'ž-?) > куб.-, волж.-, венг.-булг. d'ž-, чув. ś-. В свою очередь, И. Г. Добродомов, анализируя рассматриваемый тип болгаризмов славянских языков, отмечает, вполне естественно следуя, в принципе, Г. Дёрферу, что «на болгарской почве анлаутный тюркский й- изменился в аффрикату дж- с дальнейшим оглушением и утратой затвора: *й- > дж- > ч- > с-, причем своеобразный болгарский [чувашский] согласный с- воспринимался славянами то как ш-, то как с-». По его мнению, имело место и озвончение (надо полагать при усвоении) чув. с-, что отразилось в древнерусском названии одежды ЗЕЛЕНА, сравниваемом с тат. мишар. жилэн «азям, халат, летнее пальто, пыльник», как и в более позднем русском ЗЕПЬ, усвоенном

через болгарское посредство из араб. *джайб* «карман»¹.

Вместе с тем, в отличие от русск. зепь, впервые отмеченного в 1600 г., ЗЕЛЕНА единожды употребляется в переводной Хронике Георгия Амартола (XI в.), хотя и по списку XIII—XIV вв.⁴ Однако анализ диалектных данных⁵ свидетельствует, что ближайший анлаутный z-~dz- оказывается характерным (в отличие от тат.-миш. ж;илон — см. выше) для отдельных лексических фактов татарских мишарских (йокающих и цокающих) говоров Нижегородской области при известности исходного, по всей видимости, для них dz- в мишарских говорах с. Ялховое Первомайского района Татарстана и Байкибашево в северо-западной Башкирии, ареально смежной Татарстану. В конечном счете, наряду с (ран.-булг.?) *d-', восстанавливаемым в татарских диалектах, ареально смежных удмуртским и в соседнем Поволжью (Нижнему) говоре уральских казахов, z-анлаут оказывается представленным по большей части в ареальных пределах исторической Волжской Булгарии⁶.

Возможность бытования dz-анлаута в южной части вышеназванного ареала поддерживается, в принципе, не только русск. урал. *дзибага* «шерсть весенней стрижки», включаемым в число репрезентатов относящегося к болгаризмам русск. симбир. *чебага* «ордынская шерсть, привозимая киргизами»⁷, но и балк. *забагы* «шерсть-линька», производным от обще-, межтюрк. йап «шерсть (овечья)», не имеющего однако собственно болгарской репрезентации в чувашском⁸. Сюда же представляется возможным присоединить, что знаменательно, изолированное инт. дзип «шерстяная ткань», которое может считаться болгарским по происхождению и восходящим в конечном счете, как и русск. урал. *дзибага*, к вышеупомянутому обще-, межтюрк. йап «шерсть (овечья)», если иметь в виду, что в небольшой группе слов чувашского языка *a>a⁹. И освоение — а(ы)- >-и- могло иметь место в дос-

таточно древний период — до выделения ингушского языка — с присущим ему специфическим *ǎ(ы)* — из (пра)вайнахской общности.

В тюркских языках Кавказа анлаутный *з-*, исходное звучание которого сохраняется в верхнебалкарском (цокающем) говоре, в котором *дз-* ослабляется до *з-^ш*, оказывается представленным в джебраильском говоре азербайджанского языка и малкарском диалекте балкарского языка, а также смешанном (цокающем) хуламо-бизингиевском диалекте карачаево-балкарского языка, где *з-* вибрирует с *дж-* и *ж-*. Полагают также, что эти звуки чередуются в анлауте с *д-* в балкарском¹¹, и некоторые тюркологи, имея в виду наличие *д-*анлаута в казахском диалекте азербайджанского и зангеланском (ареально смежном джебраильскому) говоре, считают, что в тюркских языках Кавказа отложилась в реликтовом состоянии промежуточная ступень аффрикатизации первичного *й-й* > *д/д'* при полной схеме *й->д'->дж->ж'->ж->з-¹²*. Можно было предполагать, что в отмеченных выше случаях отразилось (см. выше) ран.-, куб.-булг.(!) *д'-(*d'z-?)*, однако возможны и другие интерпретации соответствующих фактов: в казахском диалекте *д-*анлаут наблюдается в нескольких словах в позиции перед *и¹¹*, в зангеланском — развился в результате ассимилятивных процессов¹⁴, а в балкарском чередование имеет место лишь в одном слове — *dulduz~zulduz~zulduz* «звезда»¹⁵.

Вместе с тем в некоторых установленных болгаризмах дагестанских (в основном лакского) языков обнаруживаются, наряду с вышеупомянутым начальным *з-*, специфические формы на *ц1-* вместе с *гь-*, *л-(<*н)-анлаутом¹⁶*, из которых (*ц1-*), в принципе, может быть соотнесен с первичным пратюркским **с-*. Он поддерживается кумыкским фольклорным ойконимом Семендер¹⁷ — вариантом упомянутого в древнем кумыкском фольклоре названия столицы Хазарского каганата —

Семендера^{1*} (*с-*анлаут), болгарского по происхождению и располагавшегося в пределах исторической Кумыкии — нынешнем Дагестане⁹. Иной, более поздний вариант пратюрк. **ц1-* анлаута *-dz-(z-)* отразился в восходящем к Семендсру названии народа забендер, который в конце VI в. влился в Аварский каганат (Паннония)²⁰ (ср. забук — в списке хазарских родов, или колен еврейского историка IX и X вв. Иосиппона)²¹. Сюда же следует отнести некоторые дагестанские ротационные и в силу этого древние тюркские (болгарские) по происхождению названия меди, если иметь в виду традиционное пратюрк. **ǰǰg²²*, — лезг. *ссуг*, рут. *dzyg²* при обще-, межтюрк. *ǰǰz²⁴*, к соответствующим репрезентатам какового, наряду с непосредственно восходящими к нему названиями меди в некоторых других дагестанских языках, могут быть возведены иные, также ареально смежные названия этого металла в нахско-дагестанских языках — кар. *hezi²⁵*, инг. *gez*, чеч. диал. *hez²⁶*. Последние могли быть усвоены из источника типа тофаларского (в Сибири) названия красной меди — *hses ~ hzes ~ hes ~ ǰes* с анлаутным среднеязычным слабым смычно-щелевым ртовым глухим согласным *hs-* (ср. кар. *hezi/чеч. диал. hez*), его озвонченным вариантом *hz-* (ср. инг. *gez*) или смычными среднеязычными *h-* и *ǰ-*²⁷. Поэтому подобные (см. выше), с озвонченным анлаутом, лакские формы с начальным *гь-*, не могут быть отнесены к болгаризмам.

Кроме того, что касается другого *л-(<*н)-* типа лакских болгаризмов, то появление *н-*анлаута в их тюркских источниках могло быть обусловлено ассимилятивным воздействием последующих носовых согласных²⁵, что подтверждается, в принципе, аналогичным по происхождению кум. лепеке (диал. напеке) «чуб, прическа», отразившегося в чеч. ник1 апа «прическа» и авар.эпека «чуб»²⁹, не отмеченного однако в лексикографических источниках по данному языку, т. е. в конеч-

ном счете кум. диал. напеке (>чеч. никТапа) > кум. *лапеке > лепеке (гармонизация вокализма). Их исходный (на н-) вариант поддерживается восходящими к пратюрк.* [ämgök «затылок, темя, висок» формами сибирских (ср. выше источник типа тофаларского для лакских булгаризмов с анлаутным гь-) тюркских языков. В них не только развился данный анлаут, если иметь в виду Туба ġiömäk «верхушка», шор. ġiäbäk, ġiäbägä, ġiämägä «темя»¹, но и имеет место характерный для инлаутной позиции тех же языков процесс -м->-б-, -п-", каковой, надо полагать, отразился и в вышеупомянутых забендер и забук. Соответственно чув. лепке «темя», считающееся заимствованием из марийского лепка «лоб»², которое при этом к тому же не поддерживается материатом других угро-финских языков, может восходить ввиду сохранения в кумыкском исходного варианта напеке к кум. *лапеке/лепеке. На возможность болгарского типа перестройки вокализма указывает то, что в небольшой группе слов чувашского языка *а>е, как и в начале слова — *ä(е)>е".

Аналогичное развитие анлаутных й->н->л- имеет место в осет. lgebasz [fabäs] «ягодица», которое в соответствии с другим чувашским (булгарским) типом перестройки вокализма³⁴ может восходить к кум. йамуз «волосяной покров этой части тела», отвечающему обще-, межтюрк. йамыз «пах»³⁵, т. е. *лёмёз<*нёмёз<*йёмёз. Затем последние с учетом вышеупомянутого характерного для сибирских тюркских языков развития инлаутного -м->-б-, -п- развились в свой -б — репрезентат типа *лебёз, каковой и был передан в осетинском через ближайший lasbtez [labaz]³⁶.

Все это позволяет предполагать местную булгаризацию вышеупомянутых наименований, восходящих к тюркским источникам сибирского типа, которые могли быть привнесены на Северо-Восточный и Центральный (осетинский язык)

Кавказ тюрками Каганата, распространившимися здесь со второй половины VI в.³⁷, как, впрочем, и обратное (-м->-б-) (сибирско-) тюркское влияние на бунтарский, если иметь в виду вышеупомянутое переселение племени забендер (<семендер) в Паннонию под давлением тюрков в конце VI в. Все это свидетельствует, с одной стороны, об имевшем место до второй половины VII в. пребывании булгароязычных племен в пределах Северо-Восточного Кавказа, с другой — о том, что смешение тюрков и болгар продолжалось здесь и в IX—X вв., ср. забук у Иосиппона.

Появление же соответствующих з-форм в указанных выше дагестанских языках могло быть обусловлено воздействием отмеченных В. Л. Гукасяном³⁸ и зафиксированных в письменных источниках V—XI вв. д- и дз-/з-диалектов савиро-хазарского языкового союза Северо-Восточного Кавказа и Северного Азербайджана. Однако в этой и другой работе (см. далее) В. Л. Гукасяна булгаризмы в языках народов Северо-Восточного Кавказа не устанавливаются, и соответствующий тип булгаризмов оказывается присущим кумыкскому языку, если иметь в виду земире *уст.* «обрядовая песня для вызывания дождя в засушливое лето», отложившееся и в чеченском³⁹, а также болгарские, в том числе хазарского времени, топонимы с анлаутным з- в нынешней Чечне, а также в Дагестане⁴⁰. К ним представляется возможным присокупить: кум. зар 1) «скорбь, печаль»; 2) «горе, огорчение»; 3) «жалобный вопль, жалоба, сетование»; чеч. дзаялġа, инг. зазга «сковорода» ~ кум. йалġав то же⁴¹ при авар.зани в значении «межевой столб», возможный болгарский источник которого нуждается в дополнительной мотивации.

Таким образом, обнаруживаются два (поволжский и кавказский) центра распространения данного явления, каковое (в Поволжье или Приуралье) могло отразиться в вышеупомянутом уральском русском булгаризме *дзибага* при наличии се-

паратных глосс с л- анлаутом (см. ранее кум. лепеке и аналогичные лакские, чувашские и татарские лексемы). Если иметь в виду, что в Поволжье мигрировавшие с Северного Кавказа тюркские (булгарские) племена появляются в VIII в.⁴², а в северной части Восточного Закавказья оно оказывается отмеченным раньше — в письменных источниках V—XI вв., то центром его распространения оказываются, как и следовало ожидать, тюркские (булгарские) языки Восточного Кавказа. Однако только в северовостокавказском ареале оказывается отраженным также исходный вариант данного типа анлаута — старая аффриката *č-.

При этом к числу наиболее ярких собственно лингвистических свидетельств миграции булгарских племен с Северо-Восточного Кавказа в Поволжье следует отнести отражение в кумыкской ойконимике более древних, исходных форм второй части названия хазарского города и крепости Сар-кел (с IX в.), отложившихся в кум. фолькл. Гел-бакъ, кум. ср.-век. Гел-бах — название страны и города⁴³, а также в южнокумыкском ойкониме Дёр-гели, известном в латинографической передаче Dergwely с 1401 г.⁴⁴ и в наибольшей степени, в том числе в семантическом отношении (крепость Саркел), отвечающем этимону — перс. ʔалэ/ʔела «крепость, укрепление, цитадель»⁴⁵. Эта часть хазарского ойконима, воспроизводящаяся обычно как -кел/-кил, возводится к чув. kēle, башк. kela «запор, задвижка», чув.кил «жилище (двор), двор, подворье», более древняя (-кел) форма которого сохранилась, как полагают, в чувашской ойконимике, и сравнивается с азерб., тур. анат., балкан. gīl «семья» неясного происхождения, каковые вместе тунгусо-маньчжурскими соответствиями используются для возведения к ностратическому уровню⁴⁶. Все это позволяет предполагать оглушение в чувашском репрезентате с начальным глухим к- нетипичного для него исходного звонкого анлаута, сохранившегося

в ареально взаимно смежных кумыкских, азербайджанских и турецких диалектных формах. При этом вокализм последних из них может носить исторически вторичный характер ввиду отражения в них соответствия пратюрк. *ä~ чув. i⁴⁷.

К другим разновидностям анлаута славянских болгаризмов примыкают ч-/дж- и ш-/с- диалекты вышеупомянутого савиро-хазарского языкового союза, отразившиеся не только в диалектах, говорах и топонимике азербайджанского языка, в том числе в северных и западных дар/джар «яр, овраг», но и в удинском языке (ч-/дж-/д-аН>iaY)⁴⁸. На Северо-Восточном Кавказе — в кумыкском языке — также обнаруживаются болгаризмы как ш-/с-⁴⁹, так и ч-/дж- типа, аналогичные вышеупомянутому и славянским.

К последнему из них следует отнести кум. чара «1) мероприятие, мера»; 2) «выход (из какого-либо положения), средство, способ» ~ рут. диал. чара'«1) выход (из положения)»; 2) «помощь» < др.-тюрк. jara-Y/jara-cj «подходящий случай, момент, средство» — аффиксальное производное⁵⁰ исконно тюркского происхождения⁵⁰ с утратой ауслатных -у или -q, характерной для венгерских болгаризмов⁵¹. Ср. рут. диал. чара'к «расколотое бревно» с сохранением к-ауслата, характерным для современного чувашского языка⁵² < обще-, межтюрк. йар-, чув. сур «рассекать» со значением результата действия⁵³. Сюда же, в том числе в соответствии с отмеченной выше закономерностью утраты ауслатного — q, к числу булгарских, но уже с dz-анлаутом форм, отложившихся, например, в восточнославянском (с 1161 г.) названии жемчуга *zbneugb, считающемся усвоением ввиду характера анлаута из волжско-булгарского⁵⁴, может быть отнесено кумыкское и карачаево-балкарское (при нетипичности данного типа анлаута для первого) название лука (оружие) — dzaja, поддерживаемое тат. dzaja при тат. диал. jayu, башк. jaja и пра-ТК>рК.*jayaq то же⁵⁵.

Кроме того, к болгаризмам **ш-** и **ч-** типа ареально смежных кумыкскому (вай)нахских языков⁵⁶ следует присовокупить изолированное инг. шовлакх «шелковый платок (головной)» (<*шавлукх) при чеч.-инг. йовлакх «платок» <*йовлукх <*йавлукх⁵⁷ < кум. йав⁵⁸лукъ то же⁵⁸. Оно сохраняет более древнюю форму, чем чув. с'ул⁵⁹лак «платок, которым подпоясывается жених во время свадьбы», о чем свидетельствует, в принципе, восходящее к нему русск. диал. сулок, сулог «кусочек ткани, которою убран архиерейский посох, небольшая ширина, маленькое полотенце»⁵⁹.

Аналогичный вышеназванному русскому болгаризму (чувашизму) с-анлаут и непосредственную связь с поволжским регионом, где был отмечен гидроним Самур (ныне р. Самара) в Волжской Болгарии (922 г.)⁶⁰, обнаруживает кумыкское фольклорное название притока большой реки — самур⁶¹, а также отмеченное в арабских источниках IX—X вв. в связи с событиями VIII в. наименование р. Самур в южном Дагестане⁶². О последнем свидетельствует их передача графическими средствами арабского языка, позволяющими различать **ш** и **с**. Все они возводятся к вышеупомянутому чув. с'умар «дождь», иными репрезентатами более раннего этимона которого являются русские болгаризмы с **ч-~-и1**-анлаутом — *чомровое платье* «платье, одеваемое в пасмурную погоду» и *шомулук* в том же значении.

Если обобщить вышеизложенное, анлаутному **дж-** славянских болгаризмов отвечают аналогичного типа формы савиро-хазарского языкового союза, известные также всем (см. выше) болгарским

языкам, и кумыкскому языку, **ч** — азербайджанские диалекты, болгаризмы кумыкского, вайнахских и ругульского языков, **ш-** — болгаризмы кумыкского и вайнахских языков, а также языки савиро-хазарского союза, **с** — болгаризмы кумыкского языка и савиро-хазарского союза. Еще более широкий круг соответствий обнаруживается в связи с установленным бытованием в славянских языках болгаризмов (**д**)**з-** типа — это не только болгаризмы кумыкского и других (см. выше) нетюркских языков Северо-Восточного Кавказа, поддерживаемые аналогичными чертами савиро-хазарского языкового союза, но и живые тюркские диалекты Поволжья и Кавказа. Показательно и наличие в кумыкском и некоторых дагестанских языках отдельных древнейших болгаризмов **ц-** типа, каковые вместе с более распространенными, но более поздними (**д**)**з-** формами могут свидетельствовать об отражении в соответствующих регионах (но в Поволжье — с Северного Кавказа, как и глосса с **л-**анлаутом) не только собственно болгарских, но и пратюркских фонетических особенностей. В конечном счете, наибольшую близость к рассматриваемым славянским болгаризмам обнаруживают в качестве базовых, если иметь в виду исходную (северовосточно) кавказскую область распространения болгарских диалектов, аналогичные формы кумыкского языка и савиро-хазарского языкового союза, которые поддерживаются болгарскими языками в целом, а также болгаризмами вайнахских и дагестанских языков и по большей части азербайджанскими диалектами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 1984. — С. 257, 259; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 2002. — С. 690; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 2006. — С. 25. Ссылки на эти и другой (Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 2001) источники далее будут обозначаться в скобках с указанием года издания и номера страницы в сокращенном виде: (Ср.-ист. гр. ТЯ

2001 : 45). А. М. Щербак (Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л., 1970. — С. 160) восстанавливает в данной позиции *<р-[th-].

² Doerfer G. Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre // Orientalische Literaturzeitung. — Leipzig. Bd. 66. 1971. — S. 332; Хакимзнов Ф. С. Булгарский язык // Языки народов мира: Тюркские языки. — М., 1997. — С. 47, 49; Байчоров С. Я. Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности. Автореф. дисс.... канд. филол. наук. — М., 1977. — С. 27; Добродомов И. Г. Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. — М., 1974. — С. 5; Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. — М., 2007. — С. 28, 31, 32.

³ Добродомов И. Г. Указ. соч. — С. 15.

⁴ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 5. — М., 1978. — С. 369, 383.

⁵ См. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 1984. — С. 266, 267, 268.

⁶ Последняя занимала к XII в., когда уже было усвоено слово ЗЕЛЕНА, территорию от Самарской луки до северной Чувашии и Южного Приуралья до р. Урал (Большая советская энциклопедия. 3-е изд. — Т 3. — С. 499).

⁷ Добродомов И. Г. Указ. соч. — С. 16.

⁸ См. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1989. — С. 125—126.

⁹ Щербак А. М. Указ. соч. — С. 146.

¹⁰ Гаджиева Н. З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. — М., 1979. — С. 69.

¹¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1984. С.269.

¹² Гаджиева Н.Э. Указ. соч. — С.67—69.

¹³ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 1984. — С.2 61.

¹⁴ Щербак А. М. Указ. соч. — С. 160.

¹⁵ Гаджиева Н. З. Указ. соч. — С.69.

¹⁶ Джидалаев Н. С. Тюркизмы в дагестанских языках. — М., 1990. — С. 24—29.

¹⁷ См. Аджиев А. М. У золотых родников. — Махачкала, 1991. — С. 91.

¹⁸ Къумукъланы йырлары. — Магъачкъала, 2002. — С.76.

¹⁹ Гусейнов Г.-Р. А.-К. Еще раз о городе Семендере, хазарах и их языке // Вести Кумыкского научно-культурного общества. — Махачкала, 2002—2003. — Вып. 8—10. — С. 24—25.

²⁰ Эрдели И. Авары // Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1998. — С. 91.

²¹ Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». — М., 1985. — С. 10, 13.

²² Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 2001. — С. 404—405.

²³ Климов Г. А., Халилов М. Ш. Словарь кавказских языков. — М., 2003. — С. 149.

²⁴ Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1989. — С. 169—170.

²⁵ Климов Г. А., Халилов М. Ш. Указ. соч. — С. 149.

²⁶ Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. — Махачкала, 1975. — С. 43.

²⁷ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 1984. — С. 272.

²⁸ Там же. С. 323. При этом первая часть относящегося сюда лакского глагола *лази-лакьи* (см. Джидалаев Н. С. Указ. соч. — С. 27), не отвечающего указанному условию, в гораздо большей степени соответствует арабизму *лазым*, имеющему, например, в азербайджанском языке значение «нужный, надобный, следуемый, необходимый».

²⁹ Кадыраджиев К. С. Общие соматические термины в кумыкском и северокавказских языках // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. — Махачкала, 1985. — С. 59—60.

³⁰ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 1984. — С. 201.

³¹ Там же. С. 318.

³² Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 127.

³³ Щербак А. М. Указ. соч. — С. 146, 154.

³⁴ Там же. — С. 152.

³⁵ Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1989. — С. 110—111.

³⁰ Вместе с тем отражение данного тина анлаута в недоверном кум. диал. (север.) лабаз «пах» (см. *Кадыраджиев К. С.* Указ соч. — С. 59) представляется сомнительным также ввиду кум. лит. чат «пах, промежность». Аналогичный характера носит постановка тем же автором (с. 60) вопроса «о связи тюркского соматонима *неп>леп* с тохарским *леб* «голова» и славянским *лоб* в том же значении» (см. *Этимологический словарь славянских языков.* — М., 1990. — Вып. 16. — С. 227—228).

³⁷ См. *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века.* — М., 1988. — С. 98-99.

³⁸ *Лукасян В. Л.* Значение диалектных данных в изучении истории языка // *Вопросы диалектологии тюркских языков.* — Уфа, 1985. — С. 20—21, 22.

³⁹ *Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А. Л.* Ойкумена кумыкского фольклора периода хазарской и кыпчакской общностей как одно из свидетельств крайних ареальных пределов кумыкского этноса эпохи средневековья // *Вестник кафедры литератур народов Дагестана и Востока.* Вып. 6. — Махачкала, 2006. — С. 209. При этом, в отличие от инг. зип, прямо отвечавшего упомянутым выше славянским формам, другому репрезентату данного слова — чув. сўмар «дождь» (см. *Этимологический словарь тюркских языков.* — М., 1989. — С. 57) — также соответствуют русские булгаризмы с иным анлаутом — русск. *чомровое платье* «платье, одеваемое в пасмурную погоду» и *шомурдук* в том же значении (*Добродомов И. Г.* Указ. соч. — С. 17).

⁴⁰ *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Историко-этимологические заметки // *Вести Кумыкского научно-культурного общества.* — Махачкала, 2002—2003. Вып. 8—10. — С.76—77. С той же группе топонимов в пределах нынешней аварской этнической территории оказываются связанными при ближайшем рассмотрении ороним Зантаб (см. *Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. — М., 1993. — С. 103, 108 прим. 19) и ойконим Занат1а, поддерживаемые апеллятивом зани «1) надгробный камень, памятник; 2) межевой столб» (см. *Аварско-русский словарь.* — М., 1967 : 638, 230).

⁴¹ Первая форма может быть соотнесена с тюрко-монгольским йар~ чар~джар «клич», если иметь в виду и иные его значения; вторая — мотивирована обще-, межтюрк. *jalya/jala* (чув. *s'ula* <*булг. *s'ala*) «лизать, облизывать» ввиду известности таких производных форм, как *jalyaq/jalaš* «посуда для кормления собак», «корыто», «выдолбленная из дерева посуда» (см. *Этимологический словарь тюркских языков.* — М., 1989.— С. 18—20,93,88,90).

⁴² *История татар.* - Казань, 2002. - С. 187, 190.

⁴³ См.: *Къумукъланы йырлары.* — Магачкъала. 2002, — С. 115; *Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.-Р.* Указ. соч. - С. 18-20, 46 прим. 34, 35.

⁴⁴ См. *Алиев К. М.* Тайны кумыкской этнонимии (этнонимические этюды) // *Вести Кумыкского научно-культурного общества.* — Махачкала, 2002/2003. — Вып. 8—10. — С. 87, 88.

⁴⁵ См. *Персидско-русский словарь.* — М., 1953. — С. 385. Ср. ограниченную и неясную по генезису представленность переднерядных венгерских булгаризмов на *g-* (см. *Дыбо А. В.* Указ. соч. — С. 24).

⁴⁶ См.: *Баскаков Н. А.* Указ. соч. — С. 20; *Егоров В. Г.* Указ. соч. — С. 112; *Федотов М. Р.* *Этимологический словарь чувашского языка.* — Чебоксары, 2002. — С. 142; *Иллич-Свитыч В. М.* *Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь.* — М., 1971. — С. 362—363.

⁴⁷ См. *Шербак А. М.* Указ. соч. - С. 153.

⁴⁸ *Лукасян В. Л.* Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. — Баку, 1973. — С. 10—11, 14—15, 17; *Его же.* Указ. соч. — С. 20, 21—22.

⁴⁴ См.: *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Древние тюркизмы в топонимии Салатавии // *Проблемы региональной ономастики.* — Майкоп, 2001. — С. 84; *Его же.* Шавхал // *Вести Кумыкского научно-культурного общества.* — Махачкала, 2001. — Вып. 2—3. — С. 39—44; *Его же.* Еще раз о городе Семендере, хазарах и их языке // *Вести Кумыкского научно-культурного общества.* — Махачкала, 2002—2003. — Вып. 8—10. — С. 24—25; *Его же.* Протоболгарские тюркизмы болгарского языка и Северо-Восточный Кавказ. Еще раз о языке Испериховых болгар в ареале их первичного распространения по лингвистическим данным // *Кавказ— Балканы—Передняя Азия.* — Махачкала, 2004. - С. 86-87, 88.

⁵⁰ *Этимологический словарь тюркских языков.* — М., 1989. — С. 139.

⁵¹ См. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. - М., 2002. — С. 693.

⁵² Там же. - С. 698.

⁵³ Этимологический словарь тюркских языков. - М., 1989. - С. 135, 136-137.

[™] Дыбо А. В. Указ. соч. - С. 32.

⁵⁵ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 2001. - С. 570.

^{5,1} Гусейнов Г.-Р. А.-К. Протоболгарские тюркизмы болгарского языка и Северо-Восточный Кавказ. Еще раз о языке Испериховых болгар в ареале их первичного распространения по лингвистическим данным. — С. 87. Здесь возможность развития значения «год» в пранах. **saḡu* «год», коррелирующего с чув. *s'ug* (<булг. **s'ag* <пратюрк. **jaḡ* «весна»), поддерживается материалом индоевропейских и, шире, ностратических языков (см. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 2001. — С. 73—74).

⁵⁷ Алироев И. Ю. Указ. соч. — С. 200—201; Имнайшвили Д. С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. — Тбилиси, 1977. — С. 92—93.

⁵⁸ Этимологический словарь тюркских языков. - М., 1989. — С. 61.

⁵⁹ См. Добродомов И. Г. Указ. соч. - С. 17.

^{6,1} Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн Фадлана // Уч. зап. НИИ языка, литературы и истории при Совете министров Чувашской АССР. Вып. IX. — Чебоксары, 1954. - С. 16.

⁶¹ Къумукъланы йырлары. - Магъачкъала, 1991. - С. 272; 2002. С. 91.

⁶² Гусейнов Г.-Р. А.-К. Дагестан и древние славяне. К вопросу о сакалиба // Языки народов мира и Российской Федерации. — Махачкала, 2006. — С. 177, 178. Сюда же примыкает ороним Салатав в северо-западном Дагестане, который представляет собой, как и Самур, более древнее болгарское по происхождению наименование с первичным *-а-, которое гораздо позже, в XVI в., переходит в чувашском в -у- (см. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 2002. — С. 688). Его первая часть отражает, в отличие от чув. 'сула- «лизать», соответствующий именной (ср. обще-, межтюрк, йалан «открытое голое место») репрезентат обще-, межтюрк, йа-ла- то же (см. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1989. — С. 87, 91), и речь, таким образом, идет о булг. **сала* + кум. тав или чув. диал. тав «гора» (см. Егоров В. Г. Указ. соч. — С. 254), т. е. «голая гора», что соответствует рельефу данного хребта.